

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Батурина Т.А. Идеологическая матрица медиадискурса о военных конфликтах: инвариантность стратегий и вариативность реализации // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76916 EDN: DIQFLK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76916

Идеологическая матрица медиадискурса о военных конфликтах: инвариантность стратегий и вариативность реализации

Батурина Татьяна Александровна

преподаватель; кафедра английского языка (основного); Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

✉ mary_breit@mail.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76916

EDN:

DIQFLK

Дата направления статьи в редакцию:

21-11-2025

Дата публикации:

28-11-2025

Аннотация: Объектом исследования выступает англоязычный медиадискурс о военных конфликтах как институциональная коммуникативная практика, реализующая функции информирования и идеологического воздействия на массовую аудиторию. Предметом исследования являются дискурсивные стратегии и тактики реализации идеологической модальности в англоязычных медиатекстах, освещавших югославские войны 1990-х годов (1991–2001), израильско-палестинский конфликт (2023–2025) и российско-украинский конфликт (2022–2025), а также факторы, детерминирующие инвариантность и вариативность их функционирования в различных geopolитических и хронологических контекстах. Цель исследования – выявить инвариантные дискурсивные стратегии и механизмы реализации идеологической модальности в англоязычном медиадискурсе

военных конфликтов и определить факторы, детерминирующие вариативность их конкретного воплощения. Исследование проводится на материале текстов новостных сообщений и аналитических статей из авторитетных англоязычных изданий. Методологическую основу исследования составляют методы критического дискурс-анализа, компаративного анализа, синтагматического, семантического и контекстуального анализа. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые проведен систематический компаративный анализ медиарепрезентации трех хронологически и географически различных военных конфликтов с применением единой методологической рамки, что позволило выявить закономерности функционирования идеологической модальности в медиадискурсе. Установлено, что медиарепрезентация военных конфликтов характеризуется систематическим воспроизведением идентичных паттернов вне зависимости от исторического периода и географического расположения конфликта, что свидетельствует о существовании устойчивой идеологической матрицы западного медиадискурса. Одновременно обнаружена значимая вариативность интенсивности языковой репрезентации, коррелирующая со степенью геополитической конфронтации, и диахроническая эволюция стратегий к усилению прямоты и категоричности номинаций. Установлен системный характер функционирования выявленных стратегий: легитимация/делегитимация обеспечивает рационально-когнитивный уровень воздействия, драматизация – эмоционально-аффективный, а поляризация выступает как сквозной принцип, структурирующий всю систему репрезентации, что создает синергетический эффект идеологического влияния.

Ключевые слова:

дискурс, медиадискурс, медиатекст, идеологическая модальность, воздействие, стратегия поляризации, стратегия легитимации, стратегия драматизации, стратегия делегитимации, военный конфликт

Освещение военных конфликтов средствами массовой информации представляет собой особую коммуникативную сферу, в которой информирование о событиях неизбежно сопряжено с идеологическим конструированием реальности. В условиях глобализации информационного пространства англоязычные СМИ, обладающие статусом мировых новостных агентств, формируют доминирующие интерпретационные рамки восприятия геополитических событий для международной аудитории.

Последние три десятилетия характеризуются непрерывной чередой военных конфликтов, освещение которых западными медиа демонстрирует устойчивые паттерны репрезентации. Югославские войны 1990-х годов, палестино-израильское противостояние и российско-украинский конфликт, несмотря на различия в историческом контексте, географическом расположении и составе участников, обнаруживают сходство в стратегиях медиаосвещения, что позволяет предположить существование инвариантной идеологической матрицы западного медиадискурса о военных событиях.

Вместе с тем детальный компаративный анализ выявляет и вариативность конкретной реализации универсальных механизмов, детерминированную геополитическими факторами, эволюцией медиатехнологий и трансформацией глобального информационного ландшафта. Данная диалектика инвариантности и вариативности требует систематического исследования с применением методологии критического дискурс-анализа и компаративной лингвистики.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью информационного противоборства в современных военных конфликтах. В условиях, когда военные действия неизбежно сопровождаются «войной нарративов» в глобальном медиапространстве, понимание механизмов идеологического конструирования реальности приобретает критическое значение. Медиадискурс функционирует как инструмент «мягкой силы», формирующий общественное мнение, легитимирующий политические решения и мобилизующий поддержку военных действий [1]. Современные исследователи констатируют трансформацию характера вооруженных конфликтов: наряду с традиционными военными операциями ведется информационная война, целью которой является не физическое уничтожение противника, а завоевание «умов и сердец» как внутренней, так и международной аудитории [2-7]. В этих условиях выявление устойчивых паттернов медиарепрезентации военных конфликтов становится необходимым как для развития критической медиаграмотности, так и для понимания глубинных механизмов формирования коллективных представлений о geopolитических процессах. Особую значимость приобретает компаративный подход, позволяющий отделить универсальные механизмы идеологического воздействия от контекстуально обусловленных стратегий и тем самым способствующий формированию более объективного понимания информационной составляющей современных конфликтов.

Проблематика идеологической составляющей медиадискурса разрабатывается в рамках критического дискурс-анализа [8-12], теории медиалингвистики [13-17]. Однако существующие исследования, как правило, сосредоточены на анализе отдельных конфликтов или ограниченных временных периодов. Систематический компаративный анализ медиарепрезентации различных военных конфликтов с целью выявления инвариантных механизмов и вариативных стратегий их реализации в англоязычном медиадискурсе до настоящего времени не проводился, что определяет научную новизну настоящего исследования.

Предметом исследования являются дискурсивные стратегии и тактики реализации идеологической модальности в англоязычных медиатекстах, освещавших югославские войны 1990-х годов (1991–2001), израильско-палестинский конфликт (2023–2025) и российско-украинский конфликт (2022–2025), а также факторы, детерминирующие инвариантность и вариативность их функционирования в различных geopolитических и хронологических контекстах.

Под дискурсивными стратегиями понимаются макроструктурные планы достижения коммуникативных целей через совокупность взаимосвязанных тактик – конкретных речевых действий, реализующих стратегическую интенцию отправителя сообщения [8]. Идеологическая модальность трактуется как категория, интегрирующая в языковые структуры идеологические установки и ценностные ориентации медиаинститута, что обеспечивает направленное формирование интерпретационных рамок восприятия событий реципиентом [13].

Цель исследования – выявить инвариантные дискурсивные стратегии и механизмы реализации идеологической модальности в англоязычном медиадискурсе военных конфликтов и определить факторы, детерминирующие вариативность их конкретного воплощения.

Материалом исследования послужили тексты новостных сообщений и аналитических статей из авторитетных англоязычных изданий (The New York Times, The Guardian, The Washington Post, The Economist, BBC News, Reuters, CNN, Politico, Associated Press).

Общий объем проанализированного материала составил 450 медиатекстов (по 150 текстов на каждый конфликт) общим объемом около 300 000 словоупотреблений.

Методология исследования базируется на интеграции критического дискурс-анализа, компаративного метода, синтагматического анализа, когнитивно-дискурсивного и семантического анализа. Также применялся метод сплошной выборки с последующей категоризацией дискурсивных стратегий и тактик.

Инвариантные стратегии реализации идеологической модальности

Компаративный анализ медиаосвещения трех конфликтов выявляет систематическое воспроизведение трех основных стратегий, функционирующих как базовые механизмы идеологического структурирования дискурса.

Центральной стратегией освещения военных конфликтов является *поляризация*, которая предполагает четкое разделение участников конфликта на противоборствующие стороны с использованием дилеммы «свои-чужие». Данная стратегия реализуется через противопоставление положительной самопрезентации и негативной репрезентации противника.

Сущность стратегии поляризации заключается в конструировании когнитивных моделей, усиливающих у реципиента ощущение идентификации с «нашей» стороной конфликта и одновременно формирующих неприятие противоположной стороны [18, с. 76]. Поляризация способствует упрощению сложной геополитической ситуации до бинарной оппозиции, что облегчает восприятие информации аудиторией, но одновременно искажает многомерность конфликта.

Страна заметить, что стратегия поляризации воспроизводится во всех трех конфликтах с минимальными модификациями, что свидетельствует о ее инвариантном характере. Однако интенсивность поляризации варьируется: в российско-украинском конфликте дилемма «свои-чужие» выражена наиболее категорично, в югославском контексте – более нюансированно, а в израильско-палестинском – амбивалентно в зависимости от идеологической позиции издания.

Стратегия *легитимации/делегитимации* представляет собой один из центральных механизмов идеологического структурирования медиадискурса о военных конфликтах. Данная стратегия предполагает использование комплекса языковых средств для оправдания или осуждения военных операций, формируя у массовой аудитории представление о правомерности или неправомерности действий участников конфликта [19].

В медиаосвещении военного конфликта наиболее продуктивными оказываются две субстратегии в рамках стратегии легитимации / делегитимации: (1) апелляция к авторитету и (2) моральная оценка.

Апелляция к авторитету подразумевает привлечение социального ресурса, внешнего по отношению к сфере, которой принадлежит объект легитимации [20, с. 36]. Выделяются два типа апелляции: к авторитету эксперта и к «безличному» авторитету. Приведем примеры:

Югославский конфликт: «**Belgian professor Aubin Heyndrickx alleges that 20 Kosovo**

Albanians were "intoxicated" by BZ gas, or a similar chemical agent, by Serb shelling in Kosovo earlier this year» [Radio Free Europe].

Израильско-палестинский конфликт: «*Israel's Push for a Permanent Gaza Deal May Mean a Longer War, Experts Say»* [The New York Times].

Российско-украинский конфликт: «*Front-line maps show that the city appears to be on the brink of falling, with some western military experts predicting that Russia is likely to eventually seize Pokrovsk and the nearby city of Myrnohrad»* [CBC].

Во всех трех случаях наблюдается идентичный механизм: привлечение авторитета специалистов для придания объективности оценке, при этом экспертное мнение используется для легитимации «своей» стороны и делегитимации противника.

Апелляция к «безличному» авторитету также функционирует как универсальный механизм:

Югославский конфликт: «***Under international law, the legal entity is still, for the time being, the Socialist Federated Republic of Yugoslavia»*** [The New York Times].

Израильско-палестинский конфликт: «***The International Court of Justice (ICJ) on Friday issued new provisional measures that order Israel to immediately end military operations in Rafah»*** [UN news].

Российско-украинский конфликт: «*In a post on various social media channels, Mr. Zelensky said the soldiers had received medical care, as required by the Geneva Conventions»* [The New York Times].

Ссылка на международное право, решения Международного суда ООН и Женевские конвенции создает эффект объективности и снимает с автора ответственность за оценочные суждения.

Субстратегия моральной оценки помещает объект легитимации в систему координат «хорошо–плохо», опираясь на оценочный потенциал языковых средств [\[20, с. 36\]](#). Приведем примеры:

Югославский конфликт: «*While apologizing for the casualties, Freytag said the bridge was a legitimate military target»* [The Washington Post].

Израильско-палестинский конфликт: «*Most Israelis also see the war's expansion to Lebanon and Iran as an essential act of self-defense»* [The New York Times].

Российско-украинский конфликт: «*EU reaffirms support for Zelenskyy as legitimate president of Ukraine»* [Euronews].

Оценочная лексика (*legitimate, essential, self-defense*) функционирует не как субъективное мнение автора, а как объективная характеристика, что усиливает легитимирующий эффект.

В отличие от стратегии легитимации/делегитимации, обеспечивающей рациональное обоснование правомерности действий сторон конфликта, стратегия драматизации воздействует на эмоциональную сферу реципиента, конструируя образы участников через архетипические роли.

Реализация стратегии драматизации осуществляется через комплекс тактик, которые, по

классификации П. Шародо, формируют триаду репрезентации участников конфликта: жертва – агрессор – защитник [21]. Приведем примеры:

Югославский конфликт: «*The Serbian news media are also **struggling valiantly**, despite the Government's stranglehold. The newspaper Borba remains **free and objective**, and a heavy-handed attempt by the Government to take over Politika, a newspaper and publishing company, has faltered because of **brave editors, reporters and print workers***» [The New York Times 5];

Израильско-палестинский конфликт: «*Israeli soldiers have intensified a **campaign** of arbitrary detentions, beatings and abuse of Palestinians*» [The Guardian 1];

Российско-украинский конфликт: «*Russia's **bloody summer offensive** is hurting Ukraine*» [The Economist 2].

В первом примере реализуется тактика героизации: независимые сербские СМИ представляются как защитники свободы слова через позитивно-оценочную лексику (*valiantly* 'добролестно', *brave* 'храбрый', *free and objective* 'свободный и объективный'). Наречие *valiantly* актуализирует семантику героического противостояния превосходящей силе, а существительное *stranglehold* ('мертвая хватка', 'удушающий захват') метафорически представляет правительство как агрессора, душащего свободную прессу. Героизация журналистов создает образ бескомпромиссных борцов за истину, что легитимирует позицию западных СМИ как союзников «правого дела».

Во втором примере представлена тактика демонизации израильских военных как источника систематического насилия. Номинация *campaign* ('кампания') указывает на организованный, целенаправленный характер действий, а определение *arbitrary* ('произвольный', 'беспричинный') лишает эти действия какого-либо рационального обоснования или военной необходимости. Градация форм насилия (*detentions, beatings and abuse*) создает образ эскалирующей жестокости, а глагол *intensified* ('усиливать') подчеркивает динамику нарастания репрессий. Палестинцы при этом имплицитно позиционируются как беззащитные жертвы государственного насилия.

Третий пример реализует тактику виктимизации: Украина конструируется как страдающая сторона через лексику боли и ущерба. Эпитет *bloody* ('кровавый') актуализирует образ физического страдания и человеческих жертв, а глагол *hurting* в прогрессивной форме подчеркивает продолжающийся характер страдания.

Важно отметить, что тактики и стратегии не функционируют изолированно, а образуют синергетическую систему идеологического воздействия. В рамках триады «жертва – агрессор – защитник» героизация «своих» усиливается через контраст с демонизацией противника, а виктимизация легитимирует необходимость защиты. Более того, стратегии легитимации/делегитимации и драматизации взаимодополняют друг друга: первая обеспечивает рационально-когнитивное обоснование через апелляцию к авторитету и моральным нормам, вторая – эмоционально-аффективное воздействие через архетипические образы. Такое многоуровневое взаимодействие создает эффект «насыщения» текста идеологическими смыслами, когда одна и та же интерпретация конфликта транслируется одновременно через рациональную аргументацию и эмоциональное вовлечение, максимизируя манипулятивный потенциал медиадискурса.

Факторы вариативности реализации инвариантных стратегий

При универсальности базовых стратегий и тактик компаративный анализ обнаруживает три ключевых фактора, детерминирующих вариативность их воплощения:

1. Интенсивность и категоричность языковой репрезентации коррелирует со степенью геополитической конфронтации между Западом и участниками конфликта. Так, Югославский конфликт характеризуется относительной дипломатической осторожностью формулировок, преобладанием косвенных механизмов легитимации через апелляцию к международным институтам. Израильско-палестинский конфликт характеризуется амбивалентностью репрезентации Израиля (одновременно «свой» как западный союзник и «чужой» в контексте действий в Газе), что создает большую вариативность в зависимости от идеологической ориентации издания. Максимальная прямота, категоричность номинаций и минимальная дипломатическая осторожность свойственна освещению российско-украинского конфликта, что отражает беспрецедентный уровень геополитического противостояния.
2. Каждый конфликт активирует специфический набор культурно-исторических ассоциаций, релевантных для западной аудитории. Так, при освещении Югославского конфликта происходит систематическое соотнесение со Второй мировой войной и Холокостом (*ethnic cleansing* как отсылка к нацистским практикам), при медиарепрезентации Израильско-палестинского конфликта – апелляция к библейским нарративам и исторической памяти о преследованиях еврейского народа, что создает уникальный контекст легитимации действий Израиля, российско-украинского конфликта – активация мюнхенского precedента 1938 года, риторика политики умиротворения, что создает логическую ловушку, блокирующую дипломатическое урегулирование.
3. Наблюдается диахроническая эволюция стратегий к усилию прямоты и категоричности номинаций на протяжении трех десятилетий (1991–2025): от преобладания косвенных механизмов, эвфемизации при освещении Югославского конфликта кусилению прямоты, категоричности оценок, эксплицитности обвинений в современных конфликтах.

Данная эволюция отражает трансформацию механизмов идеологического воздействия в условиях цифровизации медиапространства и необходимости конкурировать с альтернативными нарративами в режиме реального времени.

Итак, компаративное исследование трех военных конфликтов позволяет сделать вывод о том, что их медиарепрезентация характеризуется инвариантностью дискурсивных стратегий и тактик при вариативности конкретной реализации. Компаративный анализ югославских войн 1990-х годов, израильско-палестинского и российско-украинского конфликтов выявил систематическое воспроизведение идентичных паттернов репрезентации вне зависимости от исторического периода, географического расположения и состава участников конфликтов. Стратегии поляризации через дихотомию «свои–чужие», легитимации/делегитимации через апелляцию к авторитету и моральному оценку, драматизации через тактики демонизации, виктимизации и героизации функционируют во всех трех конфликтных контекстах с минимальными модификациями. Данный факт свидетельствует о существовании устойчивой идеологической матрицы западного медиадискурса о военных событиях, которая не зависит от специфики конкретного конфликта, но детерминирована позицией медиаинститута в глобальном геополитическом пространстве.

При универсальности базовых механизмов реализации идеологической модальности

компаративный анализ обнаруживает систематическую вариативность их конкретного воплощения, обусловленную геополитическими факторами. Во-первых, интенсивность и категоричность языковой репрезентации коррелирует со степенью геополитической конфронтации, во-вторых, каждый конфликт активирует специфический набор культурно-исторических ассоциаций, релевантных для аудитории, в-третьих, наблюдается диахроническая эволюция стратегий к усилению прямоты и категоричности номинаций, что отражает трансформацию механизмов идеологического воздействия в условиях цифровизации медиапространства и необходимости конкурировать с альтернативными нарративами в режиме реального времени.

Таким образом, компаративный анализ подтверждает гипотезу о существовании устойчивой идеологической матрицы западного медиадискурса о военных конфликтах, которая характеризуется инвариантностью базовых стратегий и тактик при вариативности их конкретной реализации в зависимости от геополитического контекста и исторического периода. Выявленные закономерности имеют значение как для развития теории медиалингвистики и критического дискурс-анализа, так и для практики медиаобразования и формирования навыков критического восприятия медиатекстов.

Библиография

1. Fraser M. Weapons of mass distraction: soft power and American empire. Macmillan + ORM, 2025.
2. Ахренова Н. А., Голубцова Е. В., Зененко Н. В. и др. Информационная война: формы ведения и методы лингвистического анализа. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2025. EDN: NGWNQO.
3. Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа: Коллективная монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2024.
4. Калинин О. И. Метафора и информационная война // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4(55). С. 124-127. EDN: YNTZEF.
5. Лупанова Е. В., Балканов И. В. Трансграничные динамика англоязычного военного дискурса в период специальной военной операции РФ на Украине // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 11. С. 3745–3750. DOI: 10.30853/phil20230574. EDN: LARGKX.
6. Суркова Е. В. Воздействующий потенциал военной фразеологии в публицистике в период вооруженного конфликта (на материалах англоязычных медиатекстов на тему СВО) // Военно-филологический журнал. 2024. № 3. С. 26-36. EDN: FRTFOE.
7. Herman E. S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988.
8. Dijk van T. Discourse and Power. Bloomsbury Publishing, 2017.
9. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003.
10. Wodak R., Meyer M. Methods for Critical Discourse Analysis. SAGE, 2009.
11. Ullah I. et al. A critical discourse analysis of language patterns and power dynamics in social media discourse // Journal of Applied Linguistics and TESOL (JALT). 2024. Vol. 7. № 4. Pp. 914-925.
12. Liang L., Wang H., Li F. Representing the other: a critical discourse analysis of British media coverage of China's role in climate change // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. № 1. Pp. 1-10.
13. Добросклонская Т. Г. Актуализация категории идеологической модальности в англоязычном дискурсе прессы // Вестник Московского университета. Серия 19:

- Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 119-133. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-8. EDN: PCHCYC.
14. Ахренова Н. А., Зарипов Р. И. Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия // Медиалингвистика. 2023. Т. 10, № 4. С. 428-449. DOI: 10.21638/spbu22.2023.401. EDN: MGSNLK.
15. Зененко Н. В., Червякова О. А. Лингвопрагматическое описание военно-политического медиадискурса: опыт системного анализа // Военно-филологический журнал. 2023. № 3. С. 29-39. EDN: GVVOQQ.
16. Хабаров А. А. Моделирование дискурсивной реальности глобального кризиса: опыт медийной репрезентации пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1169-1191. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1169-1191. EDN: UQQILZ.
17. Чудинов А. П., Сегал Н. А. Метафорический образ России в украинских каналах Telegram 2022–2024 гг // Политическая лингвистика. 2024. № 3(105). С. 42-48. EDN: BWMBIN.
18. Недзельская Е. С. Стратегия поляризации в англоязычном политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 1. С. 75-77.
19. Screti F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimization and delegitimation through songs // Critical Discourse Studies. 2013. Vol. 10 (2). Pp. 205-222. DOI: 10.1080/17405904.2013.764614. EDN: YDGUSN.
20. Колмогорова А. В. Дискурсивные стратегии легитимации в современной коммуникативной практике // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415). С. 36-42.
21. Charaudeau P. Discourse Analysis and Its Sociopolitical Stakes // Critical Discourse Analysis: Critical Concepts in Linguistics. Vol. II: Leading Advocates / ed. by R. Wodak and M. Meyer. Routledge, 2006. P. 239-260.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье представлены результаты исследования инвариантных дискурсивных стратегий и механизмов реализации идеологической модальности в англоязычном медиадискурсе военных конфликтов. Актуальность работы очевидна («последние три десятилетия характеризуются непрерывной чередой военных конфликтов, освещение которых западными медиа демонстрирует устойчивые паттерны репрезентации», вместе с тем имеет место «вариативность конкретной реализации универсальных механизмов, детерминированная geopolitическими факторами, эволюцией медиатехнологий и трансформацией глобального информационного ландшафта»). Следовательно, как обоснованно отмечают автор(ы), «выявление устойчивых паттернов медиарепрезентации военных конфликтов становится необходимым как для развития критической медиаграмотности, так и для понимания глубинных механизмов формирования коллективных представлений о geopolитических процессах».

Теоретической основой работы явились труды, посвященные исследованиям

современного поликодового мультимодального медиатекста; категории идеологической модальности в дискурсе; вопросам лингвопрагматического описания англоязычного военно-политического дискурса; методам критического дискурсивного анализа, лингвистического анализа информационной войны в условиях военного конфликта и др. Библиография составляет 21 источник, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, а также находит отражение на страницах статьи. Следует отметить высокую актуальность использованных источников (более 60% за последние 3 года), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, прагматический и когнитивный анализы, а также критический дискурс-анализ. Эмпирической базой послужили тексты новостных сообщений и аналитических статей из авторитетных англоязычных изданий (*The New York Times, The Guardian, The Washington Post, The Economist, BBC News, Reuters, CNN Politico, Associated Press*) общим объемом - 450 медиатекстов (около 300 000 словоупотреблений).

В рамках исследования проведен качественный, количественный и критический анализ дискурсивных стратегий и тактик реализации идеологической модальности в англоязычных медиатекстах, освещающих югославские войны 1990-х годов (1991–2001), израильско-палестинский (2023–2025) и российско-украинский конфликты (2022–2025), а также факторов, детерминирующих инвариантность и вариативность их функционирования в различных геополитических и хронологических контекстах. Выявлено систематическое воспроизведение идентичных паттернов презентации вне зависимости от исторического периода, географического расположения и состава участников конфликтов, что «свидетельствует о существовании устойчивой идеологической матрицы западного медиадискурса о военных событиях, которая не зависит от специфики конкретного конфликта, но детерминирована позицией медиаинститута в глобальном геополитическом пространстве». Также обнаружена систематическая вариативность их конкретного воплощения (каждый конфликт активирует специфический набор культурно-исторических ассоциаций; диахроническая эволюция стратегий к усилению прямоты и категоричности номинаций и др.).

Результаты, полученные в ходе исследования, однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в развитие теории медиалингвистики и критического дискурс-анализа, в изучение дискурсивных стратегий и механизмов реализации идеологической модальности в англоязычном медиадискурсе военных конфликтов и могут быть использованы для практики медиаобразования и формирования навыков критического восприятия медиатекстов.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».